

Дмитрий Фурманов

Из дневников

Дмитрий Андреевич Фурманов

Из дневников

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806902*

Аннотация

«...Здесь по всему округу можно слышать про Чапаева и про его славный отряд. Его просто зовут Чапай. Это слово наводит ужас на белую гвардию. Там, где слышит она о его приближении, подымается сумятица и паника во вражьем стане. Казаки в ужасе разбегаются, ибо еще не было, кажется, ни одного случая, когда бы Чапай был побит. Личность совершенно легендарная. Действия Чапая отличаются крайней самостоятельностью; он ненавидит всевозможные планы, комбинации, стратегию и прочую военную мудрость. У него только одна стратегия – пламенный могучий удар. Он налетает совершенно внезапно, ударяет прямо в грудь и беспощадно рубит направо и налево. Крестьянское население отзывается о нем с благодарностью...»

Содержание

1919 год	4
Чапай	5
Назначение	6
Чапаев	7
Митинги Чапая	8
Чапаев	9
Самара – Вязовка	11
Уральск – Бузулук	12
Чапай	14
Белебей	15
Из Белебея на Уфу	16
Отзыв в южгруппу	17
Чапай	18
Смерть Чапая	19
Воспоминания о Чапаеве	21
Мой дневник	22
1920 год	23
В Туркестан	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Андреевич Фурманов

Из дневников (извлечения)

1919 год

9 января

...Я уезжаю¹ на фронт... Мы едем туда на большое, ответственное, опасное дело. Фрунзе назначен командующим 4-й армией. Меня пригласил ехать вместе с собой. Партийный комитет скрепя сердце отпустил и благословил. Теперь все кончено. Через несколько дней уезжаем. Какую там буду вести работу, пока точно не знаю, но полагаю, что ту же, что вел за эти две недели своего политического скитания по Ярославской губернии: агитация, пропаганда, организация, налаживание всевозможных контактов, смещение и назначение различных политических ответственных работников и т. д. Едем куда-то на Пермь, а может быть, и в другое место: пока что питаюсь лишь слухами...

Оставляю дорогое Иваново. Сколько тут было положено труда, сколько тут было пережито радостей и страданий! Здесь впервые получил я политическое крещение, здесь понял правду жизни, осветил ею свою юную душу и загорелся...

Вот уже скоро два года, как горю, горю, не угасая. Как робки, неопытны были мои первые революционные шаги! Как тверды, спокойны, уверенны они теперь! Неизмеримо много дали мне эти два года революции! Кажется, целую жизнь не получил бы, не понял бы, не пережил бы столько, сколько взято за время революционной борьбы. Все самое лучшее, самое благородное, что было в душе, все обнажилось, открылось чужому горю, чужому и собственному взору. Открылись новые богатства, о которых прежде не думал. Например, умение говорить, ораторские способности – прежде как-то совершенно не замечал. Теперь они, эти способности, развиваются и крепнут. А я радуюсь их расцвету, с ними цвету и сам.

И теперь, оставляя тебя, мой родной черный город, я жалею об одном – что не буду жить и работать среди рабочей массы, среди наших твердых, терпеливых, страдающих пролетариев. Привык, сросся я с ними. И отрываясь – чувствую боль. Вернусь ли? А если вернусь – когда, при каких условиях, кого застану, кого не будет? Прощай же, мой черный город, город труда и суровой борьбы! Не ударим мы в грязь лицом, не опозорим и на фронте твое славное имя, твое геройское прошлое. Мы оправдаем название борцов за рабочее дело и все свои силы положим и там, как клали, отдавали их здесь, у тебя. Неизмеримую радостью ширится душа. Тихую грустью разлуки томится, печалится она. Прощай же, прошлое – боевое, красивое прошлое! Здравствуй, грядущее, здравствуй, новое, неизведанное – еще более славное, еще более прекрасное!

---

¹ Я уезжаю... – в феврале Фурманов был приказом М. В. Фрунзе назначен сначала в Александрово-Гайскую группу для ведения политической работы. В марте он был переведен в 25-ю стрелковую (Чапаевскую) дивизию.

Чапай

26 февраля

Здесь по всему округу можно слышать про Чапаева и про его славный отряд. Его просто зовут Чапай. Это слово наводит ужас на белую гвардию. Там, где слышит она о его приближении, подымается сумятица и паника во вражьем стане. Казаки в ужасе разбегаются, ибо еще не было, кажется, ни одного случая, когда бы Чапай был побит. Личность совершенно легендарная. Действия Чапая отличаются крайней самостоятельностью; он ненавидит всевозможные планы, комбинации, стратегию и прочую военную мудрость. У него только одна стратегия – пламенный могучий удар. Он налетает совершенно внезапно, ударяет прямо в грудь и беспощадно рубит направо и налево. Крестьянское население отзывается о нем с благодарностью, особенно там, около Иващенковского завода, где порублено было белой гвардией около двух тысяч рабочих.

В случае нужды – Чапай подымает на ноги всю деревню, забирает с собой в бой всех здоровых мужиков, снаряжает подводы. Я говорил с одним из таких «мобилизованных»: ничуть не обижаются, что его взял Чапай едва не силой.

«Так, говорит, значит, требовалось тогда – Чапай не ошибается и понапрасну забирать не станет».

Крайняя самостоятельность, нежелание связаться с остальными красными частями в общую цепь повели к тому, что Чапай оказался устраненным. Кем и когда – не знаю. Но недавно у Фрунзе обсуждался вопрос о том, чтобы Чапая пригласить сюда, в нашу армию, и поручить ему боевую задачу – продвигаться, мчаться ураганом по Южному Уралу, расчищая себе дорогу огнем и мечом.

Ему поручат командование отдельной частью, может быть, целым полком. Высказывались опасения, как бы он не использовал своего влияния и не повел бы красноармейцев, обожающих своего героя, на дела неподобные. Политически он малосознателен. Инстинктивно чувствует, что надо биться за бедноту, но в дальнейшем разбирается туго. Фрунзе хотел свидеться с ним в Самаре и привезти оттуда сюда, в район действий нашей армии.

Через несколько дней Фрунзе должен воротиться. С ним, может быть, придет и Чапай.

Назначение

27 февраля

Получена телеграмма: Фрунзе предписывает ехать к Чапаеву в Александров-Гай и поставить там политическую работу во вновь формирующейся дивизии. Имеется уже приказ. Завтра думаю выезжать. Работать плечом к плечу с Чапаевым – задача весьма занимательная. Он личность незаурядная, спать не любит, и думаю, что наша новая дивизия скоро пойдет в работу.

Чапаев

9 марта

...Утром, часов в семь, я увидел впервые Чапаева. Передо мною предстал типичный фельдфебель, с длинными усами, жидкими, прилипшими ко лбу волосами; глаза иссиня-голубые, понимающие, взгляд решительный. Росту он среднего, одет по-комиссарски, френч и синие брюки, на ногах прекрасные оленьи сапоги. Перетолковав обо всем и напившись чаю, отправились в штаб. Там он дал Андросову много ценных указаний и детально доработал план завтрашнего выступления. То ли у него быстрая мысль, то ли навык имеется хороший, но он ориентируется весьма быстро и соображает моментально. Все время водит циркулем по карте, вымеривает, взвешивает, на слово не верит. Говорит уверенно, перебивая, останавливая, всегда договаривая свою мысль до конца. Противоречия не терпит. Обращение простое, а с красноармейцами даже грубоватое...

Я подметил в нем охоту похвалиться. Себя он ценит высоко, знает, что слава о нем гремит тут по всему краю, и эту славу он приемлет как должное. Через час с ним еду на позицию, в Казачью Таловку, где стоит Краснокутский полк. Завтра, в восемь утра, общее наступление.

«Меня, говорит, в штабе армии не любят и считают даже врагом советской власти, хотя я в партии коммунистов состою уже более года. А это вот почему. Когда мне приходилось спасать Пугачев и Саратов, там, в Пугачеве, Совет работал плохо. А надо было бороться с белогвардейцами и экстренно мобилизовать крестьян. Вот я и стал все это делать сам, потому что делать было необходимо, а делать некому. Ну, пошли кляузы да поклепы – там, в штабе, и взъерошились. Да и до сих пор не могут изменить мнения, хотя уж и убедились, что я борюсь за Совет. Ничего, рассеется, да и мало меня это беспокоит. С товарищами я лажу, они меня знают и любят...»

Митинги Чапая

13 марта

Для организованных, сознательных рабочих теперь смешны, даже возмутительны были бы его ультрадемагогические приемы, но тут, среди крестьян-красноармейцев, сходило, и не только сходило, а имело еще и колоссальные положительные последствия.

– Товарищи, я не потерплю того, что происходит, я буду расстреливать каждого, кто наперед будет замечен в грабеже. Сам же первый и застрелю. А попадусь я – стреляй меня, не жалей Чапаева. Я ваш командир, но командир только в строю; на воле я ваш товарищ. Приходи ко мне в полночь и за полночь, надо – так разбуди, я всегда с тобой поговорю, скажу что надо. Обедаю – садись со мной обедать, чай пью – и чай пить садись. Я к этой жизни привык. Я академиев не проходил и их не закончил, а вот все-таки сформировал четырнадцать полков и во всех в них был командиром. И там везде был у меня порядок, там грабежу не было, не было и того, чтобы из церкви утаскивали сосуды золотые и рясу поповскую. Поп, известное дело, обманывает народ. Поп потому нам и опротивел, что говорит – «ты не ешь скоромного», а сам жрет, «ты, говорит, не тронь чужого», а сам ворует, – вот почему он нам опостылел. А все-таки веру чужую не трожь, она тебе не мешает. Верно ли, товарищи, говорю?

– Верно, верно, – гремело в ответ.

– Ты вот тащишь из чужого дому, а ведь это и без того все твое, раз окончится война – куда же оно все пойдет, как не тебе? Все тебе. Отняли у буржуя сто коров – сотне крестьян отдадим по корове, отняли одежду – и одежду разделим, верно ли говорю?

– Верно, верно...

Лица у всех оживленные. Он сумел зацепить за душу и теперь душу этой массы держал в своих руках.

– Не тащи, – продолжал он, останавливаясь и запинаясь иногда, не находя, что сказать дальше, – не тащи, а собери все в кучу и отдай своему командиру. Он продаст, а деньги положит в полковую кассу. Все будем продавать, а деньги складывать в эту кассу. А когда тебя ранят – вот тебе из этой кассы сто рублей, убьют тебя – раз по сто рублей всей твоей семье. Вот как, а не так. Верно ли, товарищи? (Взрыв одобрительных, восторженных криков.)

Я ему после заметил, что эта мера – продажа всего чужого захваченного имущества в пользу полка – мера сомнительного достоинства, что имущество переходит совнархозу.

– Мы, – говорит, – только мелочь, а крупное не тронем, да потом ведь эта касса все равно потом перейдет всему государству.

Он на митингах резок и прям, но совсем нельзя сказать, чтоб он плыл по течению и потакал массе. Насколько он быстр в решениях, настолько же тверд и в проведении этих решений. Свое дело знает, в себя верит крепко, в чужих советах не нуждается и делает все самостоятельно. Работник он неутомимый. Голова не знает иных забот, кроме своего дела. Оно его поглощает всецело. В ночь моего отъезда, например, он сидел до шести часов утра и все разрабатывал план переброски полков на Шильную Балку, писал приказы, говорил по прямому проводу с центром, а меня будил через каждый час, чтобы подписать тот или иной приказ. Работник, повторяю, неутомимый. Инициативы в нем много. Ум у него простой и ясный, схватывает все быстро и схватывает за самую сердцевину. В нем все простонародно и грубо, но и все понятно. Лукавства нет, за лукавство можно и по ошибке принять требуемую иногда обстоятельствами осторожность. Словом, парень молодец. Натура самобытная, могучая и красивая.

Чапаев

22 марта

Его личность поглотила мое внимание. Я все время к нему присматриваюсь, слушаю внимательно, что и как он говорит, что и как делает. Мне хочется понять его до дна и окончательно. Во время пути мы были все время вместе, ехали неразлучно в одной повозке и наговорились досыта. Я говорю о поездке из Алгая в Самару на лошадях. Путь грандиозный, свыше четырехсот верст. Мы были в пути четыре дня: выехали семнадцатого в час дня, приехали двадцать первого в три часа дня.

Чапая всюду крестьяне встречали восторженно: в Совете лишь только узнавали, что приехал Чапай, – начинали говорить шепотом, один другому передавал, что приехал Чапай, и молва живо перебрасывалась на улицу. Стекался народ посмотреть на героя, и скоро Совет сплошь набивался зрителями. А когда уезжали, у ворот тоже стояли любопытные и провожали нас взорами. Популярность его всюду огромная, имя его известно решительно каждому мальчугану. В одном селе попали как раз на заседание Совета. Его пригласили «хоть что-нибудь сказать», и он рассказал крестьянам о положении наших дел на фронте. Крестьяне шумно выражали ему свою благодарность. В другом селе мы никак не могли найти Совет – он оказался заброшенным куда-то в овраг, на далекую окраину и помещался почти что в сарае. Приехали мы часов в девять вечера. Там никого из советских не было, только дежурил дедка-сторож.

Немедленно вызвали председателя; тот вошел и стал как-то по-рабски кланяться, стоял нерешительно, уныло и опасно оглядываясь. От вестового он уже знал, что его требовал Чапаев. Чапай распек его на все корки и наутро же «приказал» перенести Совет куда-нибудь в центр села, в хорошую квартиру, а в Совете назначить бессменное дежурство. Вообще он поступает весьма самостоятельно в делах и не только военных.

Мы с ним за эти четыре дня, повторяю, говорили очень много. Он еще подробнее рассказывал мне о своем прошлом житье-бытье и все горевал, что судьба у него сложилась нескладно и не дала возможности развиваться как следует. Он, разумеется, сознает и свою невоспитанность и необразованность, свою малую развитость и невежественность. Все хорошо видит, скорбит душой и стремится страстно перевоспитаться и скорее, как можно скорее научиться всяким наукам. Ему хочется ознакомиться с русским языком, ознакомиться с математикой и т. д. Мы договорились, что свободное время я буду с ним заниматься, буду направлять по возможности его самообразовательную работу. Говорили мы немало и на темы политические. Он все внимательно и жадно слушает, потом высказывается сам – просто, хорошо и правильно. Мысль у него правильная и ясная. По пути мы заезжали к нему в семью, которая живет в деревне Вязовка, Пугачевского уезда, верстах в пятидесяти от Пугачева. У него там старик со старухой, трое ребят (два мальчугана и девчурка) и еще женщина-вдова со своими двумя ребятами.

Там у него полное хозяйство, есть живность, есть и пашня. Семья его живет, видимо, не нуждаясь, на стол они наставили нам много всякого добра.

Ну, наконец, после долгих мытарств, добрались до Самары. Явились к Фрунзе. Он рассказал нам пока в общих чертах о положении на всех фронтах, а вечером пригласил к себе пить чай и окончательно договориться о нашей дальнейшей работе. Тов. Сиротинский пришел за мной прежде времени. Я сначала не понял, зачем он меня увлекает, – оказалось, это Фрунзе хотел меня спросить относительно Чапая, кто он и что он, можно ли его назначить на большой и ответственный пост. Я откровенно высказал ему свое мнение о тов. Ч(апаев)е, и он согласился, сознавшись, что сам склонен думать таким же образом. Фрунзе назначает его начдивом Самарской, в которую войдет, между прочим, и наш Иваново-Вознесенский

полк. У нас, как известно, под Уфой дела никуда не годятся. Уфу наши сдали и отступают дальше. В связи с этим изменяется и наша дальнейшая работа. Мы ведь предполагали идти на Туркестан добывать хлопок. Теперь же приходится сосредоточиваться в районе Самары. Фрунзе мне высказал даже опасение, что мы снова можем потерять Самару, потерять весь этот край.

Самара – Вязовка

29 марта

...Черт знает как затомила эта дорога, я даже заболел. Два дня ехали по степи ужасным бураном, однажды сбились даже с пути, хорошо еще, что возницы ушупали скоро дорогу. Метет и крутит отчаянно, ехать приходится наглухо закутавшись в тулуп. С Чапаевым разговаривались только на последнем перегоне, верст за двадцать пять до Вязовки. Я ему высказал свое изумление на то обстоятельство, что до сих пор он все еще крестится, рассказал, насколько помнил, историю происхождения религиозных верований и поклонений, захватил по пути и политическую экономию. Потом указал ему на то, как мелочное бахвальство роняет его в чужих глазах, и он вполне со всем этим согласился, задумав избавиться от недочетов. Его особенно интересует электричество, устройство беспроводного телеграфа, граммофона и т. д. И на эти вопросы, поскольку сам знаю, отвечал и объяснял, сознавшись, что тайна граммофона непонятна и мне самому.

Особенное же удовольствие доставляют ему воспоминания из боевой жизни, когда он подымал двести – двести пятьдесят человек в одном белье и отымал только что потерянные пулеметы, отымал почти голыми руками, благодаря исключительно смелому натиску.

Ворвался однажды в селение, где были уже чехи; те открыли пальбу – ускакал. Под Уральском был окружен превосходными силами, перепорол комиссаров и командиров за бездеятельность, поднял всех на ноги и вывел без потерь.

Вспомнил, как в далеком детстве, когда было девять-десять лет, взял у часовщика две копейки – семишник, купил на него арбуза, съел, захворал и пролежал шесть недель. Мать, когда узнала, и молебны давай служить, и в то место, откуда взят был семишник, серебра покидала рубля два-три и, наконец, «вылечила» своим заступничеством.

Это воспоминание врезалось в душу и до сих пор удерживает взять что-то чужое – охватывает какой-то инстинктивный страх перед наказанием свыше.

Наконец доехали в Вязовку. Экстренно объявили на вечер устройство спектакля, а прежде часа три проводили митинг. Спектакль, пустейший по содержанию и скверный по игре, открыли только в полночь, закончив около двух часов. Мне сильно занедужилось, наутро выехать, таким образом, не смогли и остались до следующего утра, а сегодня в Народном доме думаю прочесть свою незабвенную «Парижскую коммуну». Теперь уж в эти края, пожалуй что, долго не попадем, будем держаться ближе к Самаре.

Уральск – Бузулук

10 апреля

Шестого была получена телеграмма от Фрунзе. Он извещал, что по приказанию главнокомандующего мы с Чапаевым должны немедленно выехать в Бузулук, местонахождение штаба нашей дивизии.

Я пришел от Гамбурга² часов в двенадцать ночи. Чапай сидел и ждал меня. Только что перед этим, часа за четыре, у нас произошла в некотором роде сцена. Дело в следующем: я пришел к нему, чтобы поговорить относительно бригадного приказа 30-й (22-й) дивизии о наступлении на поселок Мергелевский, дать критику на этот приказ и выяснить по возможности причины огромной неудачи, постигшей нас при этом наступлении. Во главе комиссии по разбору дела Фрунзе поставили меня. Чапай же был придан как военный знаток. Приказ Чапай взял у меня еще до обеда и хотел с ним ознакомиться заблаговременно, подумать о нем наедине. Когда я пришел, он что-то диктовал товарищу Демину³, писавшему на машинке, – это был приказ комбрига, детально и умно раскритикованный Чапаем.

– Хочешь, я тебе его прочитаю? – спрашивает он меня.

– Почитай, – говорю, – может быть, что будет не так, исправим вместе.

– Нет, вы можете дать свою критику отдельно, вы критикуйте со своей стороны, а я со своей, с военной...

– Так зачем же нам разбиваться, давайте вместе, – говорю ему, ущемленный в самое сердце этой холодной формальностью и официальнойностью...

На этом разговор и окончился. Он прочитал мне приказ и свою критику. Потом начал хвалиться своим умением, знанием, пониманием дела.

– Вот что, Чапай, – говорю ему. – Ты хороший вояка, ты смелый боец, я этому верю, это в тебе ценю, за это уважаю, но сознайся же сам, что стратег – стратег в научном смысле слова – ты все-таки слабый.

Он вспылил, осердился, повысил тон.

– Я слабый стратег? Нет. Я скажу вам, что у нас в армии еще не было и нет такого стратега, как я. Подтверждаю, что я лучший стратег, хоть этому по книгам и не учился. А вся эта сволочь, которая меня не считает за стратега, – они просто контрреволюционеры, и больше ничего. Они меня вот и до сих пор все гоняют без дела, а на фронт не пускают. Они подкапываются под меня, вот что.

Я, конечно, понимал, что в числе не признающих его стратегом «сволочей» он совершенно не имел меня, но полушутя и совершенно спокойно спросил:

– Так, значит, выходит, что и я сволочь?

Он как-то опешил, растерялся, застыдился.

– Нет, про вас я не говорю, я про «них» только.

Мне почему-то (верно, все из-за его официального тона вначале) было не по себе. Постояв минуту, подаю ему руку и говорю «прощай». Повертываюсь и ухожу. Я знал, что ему будет тяжело и неловко после моего ухода, но пусть пораздумает, пусть поразмыслит и покается перед собою.

Теперь, когда я вернулся от Гамбурга, он сидел у меня и ждал. Я прошел мимо к себе в комнату, не сказав ни слова, разделся и сел к столу. Он передал мне отпечатанную на машинке писульку следующего содержания:

---

² Гамбург И. Х. – начальник снабжения 4-й армии, перед этим – секретарь губисполкома в Иваново-Вознесенске.

³ Демин В. – помощник начальника штаба Чапаевской дивизии.

«Тов. Фурманов! Прошу обратить внимание на мою к вам записку. Я очень огорчен вашим таким уходом, что вы приняли мое выражение на свой счет, о чем ставлю вас в известность, что вы еще не успели мне принести никакого зла, а если я такой откровенный и немного горяч, нисколько не стесняюсь вашим присутствием и говорю все, что на мысли, против некоторых личностей, на что вы обиделись, но, чтобы не было между нами личных счетов, я вынужден написать рапорт об устранении меня от должности, чем быть в несогласии с ближайшим своим сотрудником, о чем извещаю вас как друга. Чапаев».

Эта простая записка меня тронула.

– Полно, дорогой Чапаев, – говорю ему. – Да я и не обиделся вовсе, а если несколько расстроился, то ведь совсем по другой причине. – Тут я ему ничего не сказал, а потом, дорогой, когда уже ехали, сообщил настоящую причину своего недовольства в то время и заставил его признаться в нетактичности по отношению ко мне. Он уже напечатал рапорт об увольнении и показал его мне.

– Как вы смотрите на этот рапорт?

– Считаю его сущей нелепостью, – говорю ему. – Рапорт совершенно не нужен, это недоразумение.

Затем он сообщил мне, что, согласно приказа главнокомандующего, мы должны выехать в Бузулук.

Сейчас же, ночью, сделали все, что нужно, добыли у коменданта две пары лошадей, а на заре, в сопровождении двух товарищей, помчались в Бузулук. Выехали седьмого, а вечером восьмого, то есть через полутора суток, были уже в Бузулуке, промчавшись двести верст. Дорогою мы с ним о многом говорили. Он рассказывал мне о своем прошлом. Оказалось, что когда ему было лет восемнадцать, то есть годов пятнадцать-шестнадцать назад, он в течение двух лет был шарманщиком. Тогда у него была девушка Настя, плясунья и певунья, с которой он жил вплоть до самой солдатчины.

Дальше он был торговцем. Рассказывал, как неоднократно обманывал купцов-торговцев в отместку за то, что они сами многократно его обманывали и подчас разоряли окончательно, на последние гроши.

– Я всю жизнь прошел, – говорил он мне. – Вся эта торговля и весь капитал – только на обмане все и построено. Я это понял на себе, из самой жизни понял, и убедился, что, пока мы у богача не отыдем его богатство, пока мы все не передадим беднякам, – покою не будет. Вот почему я и коммунистом-то сделался – тут я лучше Ленина все понимаю.

Всю дорогу он рассказывал мне о своей прошлой жизни. Теперь он пишет воспоминания и заметки, а когда напишет, передаст мне, чтоб, когда понадобится, я мог обработать, написать.

Чапай

Скобелево, 30 апреля

...Я сделался коммунистом, – говорит он, – не по теории, а на практике. Когда торговал – я видел весь этот обман, знаю, как мы бессовестно и бессердечно обманывали друг друга. Я все думал, как же тут можно обойтись без обмана – и не мог понять. А когда научился коммунизму, когда узнал нашу программу – обрадовался, поняв, что избавиться можно только по этому учению. Вот почему я стал коммунистом. Ничего, что учение знаю плохо, зато я убежден крепко.

29 мая

Белебей

Сюда, собственно говоря, попали мы зря, ибо занятие Белебея было поручено другой дивизии, а мы тут прикачнулись совершенно случайно. Здесь стоянка вышла весьма долгая. Уставшие части должны были отдохнуть во что бы то ни стало. Предстоит грандиозная операция на Уфу. Надо набраться сил. Здесь мы с Чапаевым схватили за горло и встряхнули всю штабную работу. Заходил политотдел, заходил отдел снабжения, заработали оперативные и административные люди. Наше присутствие сказалось, несомненно, весьма благотворно на общей работе. С Чапаем отношения самые сердечные. Мы весьма близки друг другу, я научился в совершенстве укрощать его, неукротимого. Теперь он все слушает, всему верит, все исполняет. Не было еще случая, когда бы он не принял какого-либо моего предложения. Роль здесь играет отчасти и моя личная близость с Фрунзе, которого он высоко чтит и уважает; но это влияет лишь отчасти, а главное в том, что мы сошлись по душам, любу друг другу, любим друг друга.

Вчера началось грандиозное движение пяти дивизий на Уфу. Завтра выезжаем на фронт. Снова кочующая жизнь, снова непрерывные передвижения, грохот орудий, бряцание ружей, транспорты, обозы, полки, полки и полки... Снова боевая жизнь, полная тревоги и захватывающей радости – глубокой и страстной.

Из Белебея на Уфу

Чимша, 2 июня

Мы тронулись ранним утром. Дорога шла чудным, цветущим лесом. В солнечных лучах играли, переливались чуть налившиеся зеленые листья. Мы свежи и бодры – все вер-
хами, Чапай с Исаем⁴ на паре коней. Мы ехали в горы, ехали с гор, проезжали чистые клю-
чевые речки, ехали черемуховой аллеей. Дорога как в сказке – светлая, тихая, пахучая...

– Тов(арищ), куда идешь?

– Обратно в часть.

– А что хромаешь?

– Раненый.

– Когда ранили?

– Пять дней назад.

– Что же не лечишься?

– Некогда, товарищ, теперь нам не время лечиться, воевать надо. Вот убьют – лягу в
могилу, – там делать нечего, там и лечиться буду.

Захватило мне дух от радости за его слова. Посмотрел на него с любовью, с глубоким
уважением и поехал дальше...

---

⁴ *Исай* – Петр Исаев, порученец Чапаева.

Отзыв в южгруппу

30 июля

На мое имя пришла телеграмма:

«Вследствие ходатайства, возбужденного своевременно, Вы освобождаетесь от занимаемой должности. Постановлением Ревсовета военкомдивом назначается состоящий для поручений при командюжгруппе тов. Батури⁵, которому по прибытии предлагаю сдать дела и немедленно прибыть в распоряжение Ревсовета Южгруппы.

Член Ревсовета Южгруппы Баранов».

Может быть, это просто уваживается мое устное ходатайство перед Ревсоветом, когда мы с Чапаем были в Самаре. Но с тех пор уже давно много воды утекло... Мы с Чапаем работаем дружно. Нам расстаться тяжело. Я позвал Чапая к себе. Знаешь, говорю, телеграмма насчет меня?

– Знаю, – сказал он тихо.

– Ну что, брат, знать, пришло время расставаться навсегда...

– Пришло... Да и как же не прийти, раз все время ты просишь о переводе...

– Ну, брат, врешь, письменно не было ни разу, только что при тебе же, в Самаре.

– Так как же? – изумился он.

– Да вот так.

– Ну, а ты сам?

– А сам я, скажу откровенно, затосковал. Мне все-таки тяжело расставаться с дивизией, в которую врос, с которой сроднился. Особенно теперь, когда я узнал, что она перебрасывается к Царицыну, а там, может быть, и на Северный Кавказ...

– Так я тогда подам телеграмму, немедленно подам, чтобы тебя оставили здесь.

– Что ж, подавай.

– А ты подпишешься?

– Мне неудобно самому-то, а вот когда оттуда спросят, согласен ли я сам, – скажу, что согласен. Пока катай один.

Чапай ушел домой и послал телеграмму с просьбой оставить меня на месте...

4 августа

На телеграмму Чапая ответили очень просто и резонно:

«Тов. Фурманов освобождается от занимаемой им должности в силу ходатайства, своевременно возбужденного им, а не в силу разногласий с Вами. Кроме того, тов. Фурманов намечен для замещения другой должности, и постановление Ревсовета отменить не представляется целесообразным. Тов. Батури сегодня выезжает через Саратов по назначению.

Член Ревсовета Баранов».

---

⁵ Батури^н П. С. (1889–1919) сменил Фурманова на посту военкома Чапаевской дивизии.

Чапай

6 августа

– Наполеон командовал всего 18–20-ю тысячами, а у меня уж и по 30 тысяч бывало под рукой, так что, пожалуй, я и повыше него стою. Наполеону в то время было легко сражаться, тогда еще не было ни аэропланов, ни удушливых газов, а мне, Чапаеву, – мне теперь куда труднее. Так что моя заслуга, пожалуй что, и повыше будет наполеоновской... В честь моего имени строятся народные дома, там висят мои портреты. Да если бы мне теперь дали армию – что я, не совладею, что ли? Лучше любого командарма совладею!

– Ну, а фронт дать? – шучу я.

– И с фронтом совладею... Да все вооруженные силы Республики, и тут так накачаю, что только повертывайся...

– Ну, а во всем мире?

– Нет, тут пока не сумею, потому что надо знать все языки, а я, кроме своего, не знаю ни одного. Потом поучусь сначала на своей России, а потом сумел бы и все принять. Что я захочу – то никогда не отобьется...

Смерть Чапая

9 сентября

Мы сидели у Полярного⁶ в кабинете... Подошло как-то к разговору коснуться 25-й дивизии.

– А вы слышали, – обратился ко мне Полярный, – в Двадцать пятой дивизии огромное несчастье: казаки вырубали весь штаб.

– Как вырубали, где?

– Ночью, наскочили на Лбищенск, куда из Бударина переехал штаб, застигли всех врасплох и порубили. Там же был и Чапаев, про него слышно тоже неладно: будто бы во время бегства на бухарскую сторону вместе с некоторыми телеграфистами он был тяжело ранен и брошен в пути, ибо казаки преследовали по пятам...

Я был потрясен этим известием. Поднялся и побежал в Ревсовет. Там уже никого не было. Пошел к Савину⁷. Савин рассказал то же, что Полярный, ибо подробностей пока не было. В оперативном я узнал несколько точнее: казаки сделали налет на Лбищенск в количестве, по одной версии, трехсот, по другой – тысячи человек.

Отрезали пути отступления, захватили и перерубили всех, кто остался в Лбищенске. Чапай был дважды ранен уже во время бегства. Пулей или шашкой – неизвестно.

Я с лихорадочным напряжением жду все новых и новых известий: жив ли Чапай, где он? Живы ли Батурин, Суворов, Крайнюков, Новиков, Пухов⁸, живы ли конные ординарцы, наши геройские ребята, жив ли культпросвет, следком, работники батальона связи, где комендантская команда: все ведь знакомые, близкие, родные люди.

Думаю разом обо всех, за всех жутко и больно, всех жалко, но изо всех выступает одна фигура, самая дорогая, самая близкая – Чапаев.

На нем сосредоточены все мысли: где он, жив ли, мученик величайшего напряжения, истинный герой, чистый, благородный человек? Ну, давно ли оставил я тебя, Чапаев? Верить не хочется, что тебя больше нет. Неужели так дешево отдал свою многоценную, интересную жизнь. Но вестей все нет как нет. Вчера в местной партийной газете даже появилась скорбная статья под заглавием:

«Погиб Чапаев, да здравствуют чапаевцы!»

Написал ее товарищ Вельский, видимо, мало имеющий понятия о том, где сражается Чапаев. Тов. Вельский даже предполагает, что Чапаев погиб где-то на Астраханском фронте.

Сегодня из разговора Новицкого с Главкомом я узнал, что Чапаев дополз до 223-го полка и эвакуируется в Уральск. В газету я послал опровержение, но уже поздно вечером от тов. Баранова узнал, что Чапаев, по сведениям, погиб в Урале. Но и этим слухам не хочется верить. Думаю, что Чапай остался жив и скоро об этом узнаем окончательно.

Завтра решится вопрос о том – ехать мне или нет в 25-ю дивизию на формирование политотдела. Пока об этом переговорили с Баранычем, завтра выясним окончательно. Заберу с собой штаб работников человек в пятнадцать – и айда в родную дивизию!..

Мне все еще не хочется считать его «покойным» – дорогого, теперь как-то особенно близкого Чапая. Мне вспоминается наш последний, прощальный вечер, когда он пришел ко мне в своей голубенькой рубашонке. В этой рубашонке он все последнее время ходил

---

⁶ Полярный Л. – начальник Политуправления Туркестанского фронта.

⁷ Савин В. В. – секретарь М. В. Фрунзе.

⁸ Суворов – начальник политотдела дивизии Чапаева. Крайнюков – заместитель командира дивизии. Новиков – начальник штаба. Пухов – комиссар штаба 2-й (74-й) бригады.

по Уральску. Я вспоминаю его во всех видах, а этих видов помню бесконечное количество. Чапай, милый Чапай, жив ли ты?.. Как рад я буду, когда узнаю, что ты все еще жив!

Воспоминания о Чапаеве

6 октября

Когда мы собирались вчетвером: Чапай, Исаев, Садчиков⁹ и я, мы всегда пели любимую чапаевскую песню: «Ты, моряк, красив собою»... Это была у нас самая любимая и самая дружная песня. Были и другие: «Сижу за решеткой в темнице сырой», «Из-за острова на стрежень»... Были и еще, только я тем песням не научился. Чапай голосу, собственно, никакого не имел, но заливался всегда резким и громким металлическим тенором. Он утверждал, что раньше пел великолепно и был в хору одним из первых. Теперь он, правда, особого эффекта не производил, зато пел увлекательно, заразительно и весело. В песне Чапай весь отдавался наслаждению, душа у него была напевная. Петь он был согласен когда угодно: и днем и ночью, дома и в поле, после боя и перед боем. В этом отношении он даже был несколько неосторожен: заливался и увлекал нас, даже подъезжая к позиции. Однажды темным вечером в открытом поле мы заливались отчаянно, имея с собой человек десять ординарцев. В ту ночь мы заблудились и ночевали в поле. А поблизости, оказывается, были казаки. Мы были совсем неподалеку от позиции.

Но лишь только объявлялось дело – песню обрывали на полуслове, оставляли недопетой. Чапай становился суровым, строгим, спокойно сосредоточенным: он думал. Он думал много и сосредоточенно.

Когда мы едем, бывало, на позиции, Чапай долго молчит и потом скажет: «Вот не знаю, как ты Дм(итрий) Андр(еевич), а я все думаю, все прикидываю, как лучше обхватить врага.

У меня все мелькают перед глазами перелески, долины, речки, я замечаю, где можно пройти, откуда можно застать его врасплох...»

Недаром Чапай готов был к любой неожиданности, его ничем не удивишь, он всегда и быстро находил безболезненный выход даже из самого критического положения. Он великолепно помнил не только места нахождения своих полков и полков соседних дивизий, он помнил даже те деревушки, которые были уже пройдены, но которые зачем-либо вдруг оказывались нужными.

Память у него была замечательно сильная и в то же время какая-то особенно цепкая: она ухватывала все, что проходило мимо, – и разговор, и лица, и содержание книги, и подробности боя; он все представлял отчетливо и точно. В его память всегда можно было адресоваться за каждой справкой.

---

⁹ Садчиков С. Ф. – инструктор при штабе дивизии.

Мой дневник

26 декабря

Ценен ли мой дневник и ценен ли вместе с ним я сам, ибо он ведь – мое точнейшее отражение и выражение?

Помнится, в первые дни революции в какой-то газете для характеристики личности Николая II было приведено несколько выдержек из его дневников: «покушал, прошелся по садику, полежал, светило солнышко, побранился» и т. д. и проч. Эти выписки из дневника совершенно отчетливо восстанавливали перед нами ничтожную, дрянненькую, пустую личность покойного всероссийского самодержца...

Эта памятка пришла мне на ум теперь, когда я подумал о содержании своего собственного дневника: любовь, страдания, радость, воспоминания, ожидания... Можно подумать, что вся моя жизнь лишь в том и заключается, что вспоминаю про минувшую любовь и живу ее перипетиями в настоящем.

А общественная работа, а крупный пост, а революция? Разве здесь уж не о чем больше писать? И разве не полны мои дневники из времен 1917 года одними лишь революционными записками, не давая ни единой строчки переживаниям личного характера? Без дальнейших околичностей полагаю следующее:

Первые дни революции все было слишком ново, свежо, неожиданно. Теперь же почти все предугадываешь, знаешь наперед.

Тогда было детство, энтузиазм, неведение; теперь – мужество, спокойствие, большая сознательность и большое знание.

Все, чем живу теперь общественно, – получает точнейшее отражение в прессе, в статьях, заметках, отчетах.

Любой период, любую эпоху революции можно воспроизвести по газетам и журналам, а историю личной жизни уж никогда и ни по чему не воспроизведешь. Нюансы мельчайшие и незначительные недостойны того, чтоб о них писать, а особенности моего понимания событий, что являются более значительными, получают отражение или в дневнике, или в моих же собственных статьях. Словом, попусту марать бумагу не годится, а что следует – это записывается. Правда, не полностью, но на «полность» ни времени не хватает, ни терпенья.

Я все еще не теряю надежды рано или поздно заняться писательской деятельностью и ради этого веду, собираю все свои записки, подбираю материал, продумываю разные сюжеты. Когда, при каких условиях только стану я писать и вообще придется ли это когда-либо делать?

1920 год

В Туркестан

26 января

Мы едем в Туркестан. Новые мысли, новые чувства, новые перспективы. Что нас ждет в этом загадочном, знойном Туркестане? Увидим ли, как индийские рабы взовьют победные, кровавые знамена, или где-нибудь славная дикая шайка степных разбойников накинёт нам проворные арканы и разобьет о камни наши головы, так страстно мечтающие теперь о знойном, загадочном Туркестане.

Не знаю. Никто этого не знает. Но я верю в свою путеводную звезду, она меня спасала, она выводила из страшных дел, она отводила жестокую, карающую десницу беспощадной судьбы.

Я верю в свое счастье; не изменит оно мне и в песках Туркестана, как не изменяло в дымных рабочих кварталах промышленных городов, как не изменяло оно и в широких степях Приуралья. В трудной работе я найду новые радости, ибо поле, где будем сражаться, – это поле широко, просторно, не возделано пахарем. Мы идем теперь пахать богатую, многообещающую ниву туркестанской целины. Она уже теперь зачата косулей, ее уже начали бороздить первые вестники революции, но их мало; они ошибались слишком часто и много, они повредили там, где можно было бы не делать вреда. Мы идем поправлять, дополнять, делать многое сначала.

Мне захватывает дух, когда подумаю, как много предстоит работы. Были минуты малодушия, когда страшно становилось перед необъятностью открывающейся перспективы, но эти мутные мгновенья сгорали в огнях величайшей радости и захватывающего счастья от сознания, что приходится прикасаться, входить, тонуть в великом, необъятно великом и прекрасном деле. Как только вспомнишь, что отдаешь свою мысль, свой покой, свою силу, а может быть, и всю короткую жизнь, что отдаешь все это на славную борьбу – дух захватывает, сердце заколотится, рыдания сдавят горло – и застынешь в экстазе. Я люблю минуты такого просветленья, когда с особенной четкостью сознаешь, как крупна, значительна та польза, которую приносим мы своей бескорыстной, напряженной, не прерывающейся ни на час работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.